

КЕНТАВР ПЕТРОГРАДСКИЙ

Толстоба Д. Весны осенние приметы: Стихи разных лет (Серия «Петроградская сторона»). — СПб.: Геликон Плюс, 2016. — 220 с.

Издана подготовленная автором книга Дмитрия Григорьевича Толстобы «Весны осенние приметы».

В 90-е ушел, вернее, отошел от литературы Дмитрий Толстоба.

Катастрофа случилась как раз тогда, когда он набрал высоту, а его прозрачная и терпкая лапидарная лирика начала приобретать эпический характер.

На излете советской власти в одном из литературных объединений Ленинграда собрались молодые люди, как и подобает кружковцам, не очень воспитанные, не очень образованные, без литературных связей и корней, зато самобытные и талантливые. Поэты в первом поколении, кометы беззаконные. Своеобразная советская плеяда, к сожалению, себя не осознавшая как новую русскую классику. Дмитрий Толстоба был лучшим.

Высоко ценивший порядочность и трудолюбие, сам основательный человек, он с отвращением относился к проявлениям богемности во всех видах. Чистота и точность его стихов — хирургические.

Я в лесах твоих, Россия,
Никому не делал зла.
Для меня змея красиво
Под осинами ползла.

Аллитерация позволяет нам услышать лесную встречу, однако такие милые штучки просто улыбки мастера. То, о чем он говорит куда глубже. Толстоба деликатно ввел нового неожиданного героя — свойского парня, даже еще проще — своего в доску, и если бы на этом остановился, получилось бы, безусловно, живо и свежо, но и немного плоско. Лирический герой оборачивается еще и иной, чудесной ипостасью. Там, где человеку «вообще» опасно, он как у себя дома. Не властелин и повелитель природы, а ее возлюбленный, точнее — возлюбленное ее дитя. Едва он вошел, все преобразуется, начинается счастливое возбуждение, все желает угодить и понравиться. Змея красиво ползет для того, кто, видимо, понимает толк в змеином ползании, колокольчики цветут — для него, шмели гудят — для него, масляныши, похоже еще несмышлениши, тоже стараются не ударить лицом в грязь и принарядились. Едва впопыхах не ошиблась ворона, но система распознавания своей чужой сработала вовремя и «не выключила глаз».

Если представить невозможное: из стихов Толстобы исчезли птицы, — увидим, как тексты побледнеют, заболеют, скукожатся.

Четвертая часть комнаты в купчинской квартире была отделена проволочной сеткой, в устроенном за ней лесном уголке распевали птички. Гостям демонстрировали фокусы, которым хозяин обучил питомцев: одиночные и групповые вылеты и возвращения. Так же легко залетали они и в строчки стихов, но их роль там была не декоративной, а сущностной и символической.

Шедевр «Прогоулка со снегирем» — это не о птичках, как и «Судьба».

Вышел из дому утром — ба!
Птиц не слышно в моем саду.

Если в его саду не слышно птиц, это очень плохо. Не к добру. И действительно: *«На пороге стоит судьба. <...> К тебе. За тобой, — говорит. — Пора! <...> но гляжу на нее без зла. <...> она за своим пришла...»*

Какая же это судьба? Так ходит только Смерть. Герой это отлично понимает, ему давно известно, что всегда:

ты бьешься с той, с единственной, с которой...
Она отлично видит в темноте.

А так как дело происходит утром, *«это надо бы счесть за честь»* и попробовать побороться.

В каждой жилке горит руда.
Мы посмотрим с тобой еще,
кто кого заведет куда.

Все это прекрасный и, в общем-то, традиционный зачин эпического произведения. Нетривиальными оказываются резоны, представляемые судьбе-смерти, в единоразовство с ней вступает судьба семьи. Начинают женщины.

Бабка в финской лежит земле.
Мать на кладбище Южном спит.

Впрямую мертвыми близкие не называются. Герой очень осторожен, он идет в наступление на судьбу-смерть и не хочет пользоваться ее терминологией, отвоевая плацдарм по крупинкам. Но есть усыпальницы, а есть Южное кладбище, и понятно, что женщины судьбой избалованы не были, первый укор судьбе.

Потому что в моей семье
почитали и жены спирт.

Это тоже на совести той, что *«пришла забирать»*. «И» означает, что это вдобавок к сильной половине семьи, у которой тоже свои счеты. И бабушка, и мать названы не *«женщины»*, а *«жены»*. Не только стилистически высоко, но и исторически значительно, судьба семьи начиналась еще тогда, когда *«жены почитали спирт»*, а не бабы водочку уважали. Не отсылка ли это судьбы в давние времена, не задолжала ли она еще там.

Мужская доля не счастливее. *«Я не знал своего отца»*. А отец не знал сына. *«Ты давно у него была?»* Долгов за судьбой уже много, а счет далеко не исчерпан.

Брат на жесткой сидел скамье...
.....
.....погибла одна сестра,
и повесился брат другой.

И напоследок: *«... в моей семье главный выродок — это я»*.
Судьба получилась не личная, а семейная, родовая.

Говорил таковы слова,
Оттираючи пот со лба.

И судьба-смерть отступила: *«видно, вспомнила времена — те, когда молодой была»*, когда начала терзать семью. Усовестилась, обернулась совой, начала чистить перышки.

Но отчего же герой *«выродок»*? Как-то так получается, что отверженным его делает именно поэтический дар. Выродок, потому что семья его стихов читать не ста-

нет. И ему в семье не жить как равному, стихи как раз мешают. «*Сам себе я сыскал узду*». А кто бы мог подумать сначала, что эта легкая и веселая игра со словами — узда, за которую из семьи уведут, а приведут ли куда? Ведь проблема не в том, что он стал поэтом и пишет стихи. А в том, что его поэзия высокая и по эстетике, и по технике, не попсовая. Зато по тематике и этике она ни в коем случае не элитарная. Даже нарочито, провокационно приземленная, не то что простая, а прямо-таки простецкая. «*Сыскать узду*» может только плебей, настоящий «аристократ духа» обретает или обнаруживает. Подспудно тема отринутости всегда присутствует. Кентавр в молодых стихах, кстати, тоже своеобразный выродок.

Судьба в значении «Рок» возникает в «Прогулке со снегирем». «Судьба — безвариантна». Фатальность жизненных событий вырисовывается сразу после осознания своего пути:

Мой путь пролег вдоль кладбища, застройки,
ларя пивного, крашенного в цвет
молочной кухни, и теплоцентрали,
чьи трубы с неба золото содрали,
чьи ротора в дома вогнали свет.

«Застройка» — явный эвфемизм, чтобы не повторять азбучную помойку. На таком пути судьба изначально predetermined. «Мой путь» в данном случае — это «моя жизнь». Но это не факты собственной биографии, а то, «вдоль» чего проходит поэт, панорама окружающего мира. Перед нами своеобразная реплика того, кто, «*земную жизнь пройдя до половины*», совершает свое путешествие. Только автор не на экскурсии, он часть этого мира. Поразительно, что начало его — кладбище. За местом упокоения людей идет место для «умерших» вещей — помойка. Застройка — то, что появляется на месте помойки. С отчим домом «застройка» ничего общего не имеет. Дальше — пивной ларь. Почему ларь? Ларек пивной прекрасно укладывается в размер, однако ларек только торговая палатка, в то время как ларь еще и ящик, емкость для хранения, учитывая контекст, герметичность и безысходность... Лицемерие в особо циничной форме проявляется в раскраске фасада в радостные цвета детства. Пивные реки вместо молочных. Жизненное тепло дается только взамен утраченного небесного золота, а свет может появиться в доме лишь принудительно. Требуется глагол повышенной экспрессии — «вогнали»! Иначе никак.

Есть и другие пути — не «мои». Они не просто чужие, они противоположны, «вдоль Мойки». И, казалось бы, странно, но никакого интереса к благополучным прогулкам нет, все внимание сосредоточено на доставшейся прискорбной стезе. Не личная ли обида закрывает горизонты? Простодушный читатель может подумать и так, если невнимателен. Судьба не зла, даже покладиста. Она «*сама устроится, подляжет. Порвется нить — она ее подвяжет*». И делать ничего не надо, живи да радуйся. Можно и отступить. «*Вот, например, гулять со снегирем*». Только прогулки все равно не получаются.

Совершенно неожиданно и только на краткий миг вместо сугубо лирического «я» возникает как озарение «нам» и «мы». И звучит как символ веры: «Но нам ништо — мы пасынки с рожденья».

Другой шедевр — «Заполярье». Стихотворение-предчувствие социального слома, когда человек, утратив ценность личную, индивидуальную, получит смысл лишь как деталь системы. На пути в Возей жестокая сортировка по «системным» приметам уже действует.

Трубовозчики не берут —
я для них «человек в плаще».

«Икарусы» брезгают «человеком вообще», «вахтовки» интересуются только своими. За рулем в «Икарусах», «вахтовках» и «трубовозчиках» как будто бы и нет водителей, сословная техника поглотила их. Ссылки на прошлые заслуги — «я на Севере пятый раз» — ничем не помогают. Смешно звучат для сетевых монстров аргументы родовой общности: «чей-то муж я и чей-то зять». Верный путь к успеху — минимизация человеческого, а его полная утрата — идеал перевоплощения:

Все подумают, что бревно,
и тогда подберут меня.

Среди жертв контрреволюции 90-х и муза Дмитрия Григорьевича Толстобы. В прошлом году не стало его самого.

Светлая ему память.

Ирина МОИСЕЕВА